

© 2026. В. А. Котельников

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

«Шишков у нас все-таки историческое лицо»

Аннотация: В статье рассматривается деятельность Александра Семеновича Шишкова на поприще военно-морской и государственной службы, а также в области литературы и филологии. В 1780–1810 гг. он сделал успешную карьеру, достиг звания адмирала, в 1812 г. стал государственным секретарем при императоре Александре I. Во время войны с Наполеоном Шишков составлял от имени императора знаменитые Манифесты, рескрипты и приказы. В них Шишков выступал не как чиновник, но как публицист, владеющий высоким стилем словесности XVIII в. Вместе с тем он проявил себя как талантливый литератор, который занимался переводами специальных работ по мореплаванию, книг для детей, переводил произведения Тассо, Петрарки, Геснера. Главные достижения Шишкова как филолога относятся к лингвистике, прежде всего, к лексикологии и лексикографии. Он расширял языковую базу национальной культуры, включая в нее старославянский язык, который необходим литературе, по его мнению, как источник духовных традиций.

Ключевые слова: А. С. Шишков, русская литература, переводы, лингвистика, лексикология, лексикография

Информация об авторе: Владимир Алексеевич Котельников, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5135-6782>

E-mail: vladilogos@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 12.10.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 23.02.2026

Дата публикации статьи: 25.06.2026

Для цитирования: Котельников В. А. «Шишков у нас все-таки историческое лицо» // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 2. С. 72–93. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-72-93>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 72–93. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 72–93. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Vladimir A. Kotelnikov
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

“Shishkov is, After All, a Historical Figure for Us”

Abstract: The article examines the activities of Alexander Semyonovich Shishkov in the spheres of naval and government service, as well as in literature and philology. From 1780 to 1810, he had a successful career, reaching the rank of admiral, and in 1812 he became the Secretary of State under Emperor Alexander I. During the war with Napoleon, Shishkov drafted the emperor’s famous Manifestos, rescripts, and orders. In these documents, Shishkov acted not as an official but as a publicist who mastered the high style of 18th-century literature. At the same time, he proved himself to be a talented writer. He translated specialized works on navigation and books for children, as well as works by Tasso, Petrarch, and Gessner. Shishkov’s main achievements as a philologist were in the fields of linguistics, particularly lexicology and lexicography. He expanded the linguistic base of national culture by including Old Church Slavonic, which he believed was necessary for literature as a source of spiritual traditions.

Keywords: A. S. Shishkov, Russian literature, translations, linguistics, lexicology, lexicography

Information about the author: Vladimir A. Kotelnikov, DSc in Philology, Director of Research, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5135-6782>

E-mail: vladilogos@mail.ru

Received: October 12, 2025

Approved after reviewing: February 23, 2026

Published: June 25, 2026

For citation: Kotelnikov, V. A. “Shishkov is, After All, a Historical Figure for Us.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 2, 2026, pp. 72–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-72-93>

Вынесенное в заглавие статьи определение дал А. С. Шишкову (1754–1841) П. А. Вяземский. Действительно, деятельность Шишкова стала крупным явлением именно *истории* российской в пору совершавшихся в ней перемен с последней трети XVIII в. по первую треть XIX в. В отличие от тех выдающихся современников, которые выдвинулись тогда в областях военной и государственной службы, литературы, науки, Шишков представил свои усилия в каждой из этих областей и направил по одному пути и к одной цели, которую считал для России важнейшей в ту эпоху. Он с неколебимой убежденностью в собственных идеях и с присущей ему воинственностью действовал на широком государственном и культурном фронте как моряк, боевой адмирал, госсекретарь, министр, литератор, филолог. Время становилось сложнее: государственническое чувство и патриотические настроения, поднятые екатерининским царствованием и затем возбуждаемые противостоянием Бонапарту, были еще сильны, но картина мира в сознании общества начала меняться — главенствующее место в ней стала занимать самоценная личность, умы были увлечены идеями Просвещения, политическим либерализмом. И вместе с тем возникала традиционалистская и охранительная тенденция, складывалась консервативная идеология, получившая социально-политическое и административное оформление в эпоху С. С. Уварова, а культурно-историческое — у славянофилов. Шишков в развитии этой тенденции играл наиболее значительную роль, при этом приняв на себя высоко стоявшую в XVIII в. и продолжаемую им в XIX в. миссию *национально-государственного служения* на всех поприщах.

С первых своих выступлений в качестве идеолога-охранителя в области словесности, языка, национальной культуры, с начала собирания вокруг себя единомышленников и «единочувственников» Шишков внес в среду литераторов (и как частное следствие — в образованное общество) самое решительное в ту пору разделение на противосто-

ящие лагеря и вызвал на себя резкую критику и личные нападки за ретроградность, обскурантизм и за сопротивление модернизации языка и литературы. Полемическая активность писателей карамзинского направления, заостренная «арзамасцами», возбуждалась преимущественно деятельностью Шишкова, и все это порождало антагонизмы и динамику в литературном процессе 1810-х гг. Даже элегического К. Н. Батюшкова эта ситуация подвигла к участию в поэтических баталиях в несвойственном ему жанре памфлетных сатир (вполне в стиле А. Ф. Воейкова) — таковы его «Видение на берегах Леты» (1809), «Певец в Беседе любителей русского слова» (1813)¹. В последней он прямо метит в Шишкова:

Хвала тебе, Славенофил,
О муж неукротимый!
Ты здесь рассудок победил
Рукой неустомимой.
<...>
Упрямство в нем старинных лет,
Хвала седому деду!
Друзья! Он, он родил на свет
Славянскую «Беседу»! [Батюшков: 369]

Однако историческое значение деятельности Шишкова полемикой тех лет (наряду с поддержкой его, причем не только в круге «Беседы», но и особняком стоявшими литераторами, как А. А. Палицын) не было исчерпано, и обсуждение продолжалось впоследствии — и ныне наследие Шишкова и личность его остаются предметом исследовательского интереса историков и филологов. Достаточно указать на воспоминания А. С. Стурдзы, С. Т. Аксакова, Д. Н. Свербеева, работы П. Л. Сухонина, М. Н. Лонгинова, Я. К. Грота, П. К. Щебальского, В. Я. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, Н. Н. Булича, Ю. Н. Тынянова, В. В. Виноградова, З. И. Забегайловой, М. Г. Альтшуллера, Б. А. Успенского, В. Я. Гросула, А. Ю. Минакова, А. М. Камчатнова, В. М. Живова, не говоря уже

¹ С. Т. Аксаков в 1814 г. даже не поверил, что она написана Батюшковым. Он не без опасения решился прочесть ее Шишкову, а тот оказался ею очень доволен и попросил список для себя [Аксаков 2: 307].

о множестве кратких очерков, отсылок, упоминаний. Быть персонажем только литературоведческих сюжетов об «архаистах» и «новаторах»¹ Шишкову, конечно, не суждено. Но, несмотря на обстоятельную разработку предмета, есть необходимость внести уточнения в научную постановку этой выдающейся фигуры.

П. А. Вяземский в «Старой записной книжке» дал краткую и в главных пунктах точную характеристику личности и значения своего литературного противника Шишкова:

15 апреля 1841. Отпевали Шишкова в Невском. Народа и сановников было довольно. Шишков не велел себя хоронить прежде шести суток. Шишков был и не умный человек, и не автор с дарованием, но человек с постоянной волею, с мыслию, *idée fixe*, род литературного Лафаета², *non le héros des deux mondes*, но герой двух слогов старого и нового, кричал, писал всегда об одном, словом, имел личность свою, и потому создал себе место в литературном и даже государственном нашем мире. А у нас люди эти редки, и потому Шишков у нас все-таки историческое лицо. Я помню, что во время оно мы смеялись нелепости его манифестов; <...> но между тем большинство, народ, Россия, читали их с восторгом и умилением, и теперь многие восхищаются их красноречием; следовательно, они были кстати... Карамзина манифесты были бы с большим благоразумием, с большим искусством писаны, но имели ли бы они то действие на толпу, на большинство, не известно; а если бы и имели, то что это доказало бы? Что ум и нелепость все равно; а мы все думаем, что все от нас, все от людей. <...> Шишков писал в 1812 году письмо к Государю, коим он убеждал его оставить армию. Государь ничего не отвечал и никогда не упоминал Шишкову об этом письме, но спустя несколько дней оставил армию. Письмо было написано с согла-

¹ В этих терминах Ю. Н. Тынянов определяет литературные группы «шишковистов» и «карамзинистов» в их полемике [Тынянов: 23–121].

² Вяземский имеет в виду французского и американского политического деятеля Мари Жозефа Поля Ив Рош Жильбера дю Мотье, маркиза де Ла Файета (*marquis de La Fayette*; 1757–1834), который участвовал в политической жизни Франции и в войне североамериканских колоний против англичан. Эти факты его биографии подразумевает Вяземский, когда говорит, что Шишков “*non le héros des deux mondes*” («не герой двух миров» — *фр.*) — в отличие от Ла Файета.

сия графа Н. А. Толстого и, кажется, Балашова. Слышал я это от Шишкова [Вяземский 9: 195–196].

Как военный моряк он во всех чинах и должностях от гардемарина до вице-адмирала (1799; полным адмиралом он стал в 1824 г.) служил российскому флоту, тогда главной боевой силой страны, и также служил воспитанию кадров для нее в Морском шляхетском кадетском корпусе. За участие в сражениях Екатерина II наградила Шишкова золотой саблей с надписью «За храбрость» и золотой с бриллиантами табакеркой.

Как государственный секретарь при Александре I он служил России своими убеждениями и литературным даром, создав в манифестах, рескриптах, приказах новый, экспрессивный язык, которым высшая власть теперь обращалась к обществу и народу, возбуждая массовый патриотический энтузиазм. Как член Госсовета он служил охранению внутривластного порядка в стране, резко возражал против инициированного Сперанским проекта Гражданского уложения, против проводимой А. Н. Голицыным с его «сугубым министерством» реформации в направлении космополитического экуменизма с идеей «внутренней церкви». В этих же целях он, став министром просвещения, предпринял жесткое регулирование литературного процесса¹ и предложил цензурный устав, принятый в 1826 г. (прозванный «чугунным»).

Попутно он написал еще и иллюстрацию к этому делу: «Басню» об умных баранах, недовольных вмешательством в их писания медведя, который по их жалобам на несвободу был отставлен львом. После чего произошло нашествие мелкой живности в литературу, наступила безурядица, и льву пришлось вернуть медведя к исполнению прежних его обязанностей. Наиболее прочным и полезным плодом его министерства стал Устав гимназий и училищ, надолго утвердивший сословный принцип в образовании. Наконец, Шишков ревностно служил выявле-

¹ Включившийся в 1800-е – 1820-е гг. в движение общества и литературы к обновлению С. Т. Аксаков, уважая Шишкова, критически оценивал дела его по министерству. «Шишков, может быть, слишком односторонне смотрел на предметы и везде проводил свои убеждения, благие и честные в основании, но уже устаревшие, или, лучше сказать, потерявшие свою важность. Время шло быстро. Шишков не всегда это замечал и, живя в прошедшем, иногда не видел потребностей настоящего» [Аксаков 2: 309].

нию и включению в современную речь всех исторически сложившихся запасов русского языка, заключавших в себе выражение религиозных, духовных и нравственных ценностей народа. Ради этого он, используя этимологические изыскания, расширял *языковую первооснову* национальной жизни в область языка церковнославянского, ограничивая иноязычные заимствования. Этому он служил и как создатель «Беседы любителей русского слова», и как президент Академии Российской (с 1813) — в противовес Академии наук. В «Беседе» состояли членами И. И. Дмитриев, Н. С. Мордвинов, А. К. Разумовский, А. Н. Оленин, И. А. Крылов, Ф. В. Ростопчин, С. С. Уваров, митрополит Амвросий (Подобедов), епископ Евгений (Болховитинов) и др. Заседания посещал находившийся в 1803–1817 гг. в Петербурге в качестве посланника сардинского королевства Ж. де Местр, что знаменательно: к этому выдающемуся поборнику политического и культурного консерватизма и представителю католической реакции Шишков не раз обращался в своих сочинениях.

Следует отвести от Шишкова банальные и несправедливые обвинения в односторонности мировосприятия, узости мысли, религиозной и культурной нетерпимости. Конечно, он превозносил державную мощь России, достоинства ее словесности, доказывал превосходство единого русско-славянского языка (для него неделимого), но он отлично знал и цену достижениям западной цивилизации, непосредственно познакомившись с ними во время плаваний. Кроме того, владея французским, английским, немецким, итальянским языками, Шишков знал классическую и современную словесность Европы, что видно по его переводам и опытам лингвистической компаративистики. Не лишне упомянуть и особенность его семейной жизни: он, истово православный человек, выступавший против голицынского космополитического христианства, ратовавший за исключительность русского начала во всех сферах жизни, первый раз женился на голландской лютеранке Дарье Шельтинг, второй — на польской католичке Юлии Нарбут-Лобаржевской, имевшей к тому же далеко не безупречную репутацию, — и обе стали хорошими супругами и хозяйками его дома.

Шишкова называли дилетантом — это верно относительно его исследовательского статуса, не будучи ученым филологом, он брался за решение сложных лингвистических проблем. Однако у него была хорошая подготовка по языкам, словесности и истории, а также серьезная

образовательная база: он прошел отличную выучку в точных науках в Морском шляхетском кадетском корпусе, что привило ему дисциплину мысли, логичность изложения, точность в определениях вещей и явлений. Все это впоследствии отразилось в его текстах, литературных и филологических, соединившись с особым умением вникать в морфологическую и семантическую жизнь слова.

Технику и стиль своих штудий Шишков вырабатывал на переводе специальных текстов, одним из которых был перевод с французского книги Ch. Romme "Art de la marine" (1787, «Морское искусство»). А также в ходе составления франко-англо-русского словаря морских терминов (1795); предисловие к нему стало серьезной работой Шишкова по лексикологии. Позднее он написал капитальный труд «Список кораблям и прочим судам российского флота с историческими примечаниями...» (1799); по совокупности всех его сочинений этой тематики он как член Адмиралтейств-коллегии был назначен на должность историографа флота.

Но дарования Шишкова увлекали его и на стезю художественного, литературно-педагогического и публицистического творчества. Еще в 1780 г. он по просьбе В. И. Бибикова написал для придворного театра одноактную драму «Невольничество», в которой довольно живо изобразил участь русского солдата, плененного турками, проданного в Алжир и просившего императрицу выкупить его; щедрая помощь Екатерины позволила вызволить из неволи многих христиан, что прославлялось в пьесе и чему способствовали сборы на спектаклях.

О незаурядном писательском таланте также свидетельствуют зоркая наблюдательность, вдумчивость суждений, выразительность слога в письмах Шишкова времени его заграничного путешествия в 1776–1777 гг. Примечательно, что в записках о своем «путешествии» той поры среди любопытных рассказов о странах, событиях и лицах, Шишков эффектно передал интригующий эпизод игры в карты, в котором изобразил переживания рассказчика в ходе проигрыша последних денег и внезапного отыгрывания их. Шишков оказался и азартен, и способен литературно разработать психологический сюжет.

Замечательным делом его на литературном поприще был перевод и адаптация книг серии "Kleine Kinderbibliothek" (1779–1784) немецкого писателя, педагога и лингвиста (кстати сказать, сторонника языкового пуризма, что повлияло на Шишкова) И.-Г. Кампе (Campe; 1746–1818).

Перевод (местами подражание) был выборочным и сокращенным (около трети оригинала), напечатан (по приказу Е. Р. Дашковой) под названием «Детская библиотека, или Собрание детских повестей, басен, разговоров, и сказочек, в стихах и прозе» (впервые ч. 1–2, 1783–1785). При сохранении познавательного наполнения и занимательности текстов Шишков переложил на русский лад нравоучительное их содержание, все это придало изданию большую воспитательную ценность и сделало ее (во множестве переизданий) главным детским чтением в России на протяжении нескольких десятилетий, о чем писал С. Т. Аксаков¹. К такого рода сочинениям Шишков обратился потом в 1830-е гг., написав наставительные «Разговоры старца с юною девицею».

Он также считал своим просветительским долгом знакомить русского читателя с древней и новой европейской литературой. В переводах прозаической поэмы-идиллии “Daphnis” швейцарца Саломона Геснера (Gessner; 1730–1788) и его пасторальной комедии “Evander und Alcimna” (переводы: «Дафнис», 1785; «Евандр и Альцимна», 1787²) Шишкова не смущали ни язычество мифологического сюжета, ни чувственные сцены между Дафнисом и пастушкой Фелисой, и более того — он не побоялся почти совпасть с языком Карамзина (который весьма ценил Геснера) — как ни порицал Шишков тематические и языковые новации автора «Бедной Лизы» и других сентименталистов. Впрочем, по свидетельству А. С. Стурдзы (1791–1854), Шишков позже

¹ С. Т. Аксаков, рассказывая о ранней поре своей жизни в воспоминаниях «Детские годы Багрова-внука» (1858), писал, что переведенная Шишковым книга Кампе привела его в восхищение, и он выучил из нее детские песни. И добавлял в примечаниях: «Александр Семеныч Шишков, без сомнения, оказал великую услугу переводом этой книжки, которая, несмотря на устарелость языка и нравоучительных приемов, до сих пор остается лучшею детскою книгою. <...> Некоторые стихотворения, как, например, “Дитя, рассуждающее здраво”, “Детские забавы”, “Фиалка и Терновый куст”, “Бабочка”, “Счастье благодетельства”, “Николашина похвала зимним утехам” (лучше всех написанное), можно назвать истинными сокровищами для маленьких детей» [Аксаков 1: 361].

² В этом деле Шишков был в России одним из первых популяризаторов творчества Геснера, пользовавшегося широкой известностью в Европе. Гораздо позднее Ив. Ф. Тимковский предпринял в своем переводе русское издание его: «Полное собрание сочинений Геснера. Ч. 1–4. М. 1802–1803».

чистосердечно и публично отрекся от прежних своих невыгодных мнений о писателе Карамзине. Маститый старец полюбил в нем человека, преклонил голову перед изящной чистотой его слога, одним словом, влюбился в его творения и в него самого [Стурдза: 146–147].

Перевел Шишков XVI песнь «Илиады», воспользовавшись английским переводом Поупа, предпринял полный прозаический перевод “*La Gerusalemme liberata*” Тассо¹ (1818–1819), причем местами проза у него становилась мерной в строении и чередовании синтаксических групп — возможно, под влиянием октав оригинала: Шишков был очень чувствителен к строю стихотворной речи. Вместе с тем, стремясь к экспрессивности повествования, он нередко прибегал к весьма смелым, на грани нарушения семантической эквивалентности и лексико-грамматических норм, оборотам и словоупотреблениям, что вызвало упреки критика². Переводил из Горация, Альфиери, Ариосто, Петрарки (здесь он даже овладел сонетной формой). Насколько глубоко вникал Шишков в переводческую работу, видно по проведенному им сопоставительному анализу двух русских переводов Оссиана с французским и итальянским.

Среди серьезных литературных занятий неожиданно застаем его за сочинением «легкой поэзии», разных лирических опусов малых форм — частью перенесенных с французских образцов («Мадригал» и др.) и оригинальных: стихи на случай и стихи в дамских альбомах.

У моряка, героя, государственного деятеля Шишкова главным двигателем его мысли и поведения была любовь к России и Православию. В его литературном и филологическом творчестве она — основная побуждающая сила. Мотивы такой направленности очевидны в одах, где они вносят в поэзию Шишкова публицистическое начало («Ода на

¹ Шишков переводил с итальянского оригинала, отвергнув существующие французские переводы и не одобряя русский стихотворный перевод, поскольку считал, что ни образы, ни мысли Тассо, а тем более слог его передать невозможно, следуя законам русского поэтического языка. Однако современный перевод Р. М. Дубровкина (2020) позволяет в этом усомниться.

² В. Н. Олин почти всю рецензию на два перевода поэмы Тассо посвятил придирчивому разбору перевода Шишкова. Некоторые критические замечания его были небезосновательны, но общую отрицательную оценку перевода нельзя считать справедливой; см.: [Олин: 234–251]

победу, одержанную над шведским флотом под Ревелем», «Ода на покорение Польши», где говорится о взятии в 1794 г. Суворовым Праги, предместья Варшавы). Разрабатываемые в различных формах, они пропевают деятельность его в последующие годы.

Конечно, не нужно забывать, что Шишкову в публицистических и общественно-педагогических выступлениях свойственны представления, пафос и стиль его века. Он вдохновенно вещает о *должном*, требовательно указывая на него *поверх* реально существующего. Он как классицист проецирует в художественный текст такую действительность, которая *должна* основываться на идеальных качествах гражданина и общества. Поэтика его писаний такова, что он облачает реальность словесным покровом с вытканными на нем образами и знаками высокого достоинства героев и их деяний. А между тем он хорошо знает о «немогах и страстях наших», иногда оговаривает это, но не склонен разрабатывать эту тему.

В «Рассуждении о любви к Отечеству», прочитанном в 1811 г. в «Беседе любителей русского слова» и вскоре напечатанном, патриотизм провозглашается коренным, «первобытным», по слову Шишкова, качеством всякого человека. Описав тип космополита, он говорит:

Отсюда следует, что человек, почитающий себя гражданином света, то есть, не принадлежащим никакому народу, делает то же, как бы он не признавал у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Он, исторгаясь из рода людей, причисляет сам себя к роду животных [Шишков 1812: 148]¹.

На первое место он выдвигает охранение и поддержание «духа народной гордости», без которого «упадает дух честолюбия, сохнет корень надежды на самого себя, и величие души, рождающее все подвиги и доблести, подавляется унижением» [Шишков 1812: 170].

¹ Не без отклика на такие идеи Шишкова Вяземский писал: «Не должно терять из виду, что именно для того, чтобы быть Европейцем, должно начать быть Русским. Россия, подобно другим государствам, соучастница в общем деле Европейском и, следовательно, должна в сынах своих иметь полномочных представителей за себя. Русский, перерожденный во Француза, Француз в Англичанина, и так далее, останутся всегда сиrotами на родине и не усыновленными чужбиною» [Вяземский 5: 20].

Исходя из этого, Шишков взывает к политической и гражданской ответственности в главнейшем деле, от исполнения которого зависит судьба Отечества в будущем и которое находится в небрежении ныне, а именно:

Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но prepares счастье или несчастье предбудущих времен, и призывает на главу нашу или благословение, или клятву потомков [Шишков 1812: 171].

Шишков проницательно усматривает не всеми еще осознаваемую угрозу,

что не одно оружие и сила одного народа опасна бывает другому; тайное покушение прельстить умы, очаровать сердца, поколебать в них любовь к земле своей и гордость к имени своему, есть средство надежнейшее мечей и пушек. Средство сие медленно, однако же верно в своих соображениях и ранее или позже, но всегда цели своей достигает. Мало-по малу налагает оно нравственные узы, дабы потом наложить и настоящие цепи, зная, что пленник в оковах может разорвать их, может еще быть горд и страшен победителю, но пленник умом и сердцем остается навсегда пленником [Шишков 1812: 171].

Такое понимание опасности разложения национального тела извне, высказанное некогда зачисленным в архаисты и ретрограды Шишковым, звучит злободневно во все последующие времена.

В «Кратких записках адмирала А. Шишкова, веденных им во время пребывания его при блаженной памяти Государе Императоре Александре Первом», автор рассказывает, что весной 1812 г. Государь призвал его и сказал:

Я читал рассуждение твое о любви к Отечеству. Имея таковые чувства, ты можешь ему быть полезен. Кажется, у нас не обойдется без войны с Французами; нужно сделать рекрутский набор; Я бы желал, чтобы ты написал о том Манифест [Шишков 1832: 1–2].

Исполнение повеления Государя стало первым опытом Шишкова в подобном жанре; приступал он к нему не без сомнений в своей способности достойно обратиться к России от имени Императора. Но уже на следующий день он принес текст — энергичным слогом написанное точное объяснение, каково положение дел и что требуется для защиты отечества. Александр остался доволен и отослал Манифест в Сенат, а Шишкова с 9 апреля 1812 г. назначил госсекретарем. Прежде занимавший этот пост Сперанский, семинарист и канцелярист, не мог бы написать ничего подобного. В таком же стиле, дельном и сдержанно эмоциональном, возвышенном по образцам библейской книжности и славянской церковной письменности составлял Шишков приказ фельд-маршалу гр. Н. И. Салтыкову, знаменитый Манифест «Неприятель вступил в пределы наши...», обращенный ко всем сословиям и народу русскому; вскоре Шишков убедил Государя ехать в Москву. Он составил произведшее сильное впечатление объявление об оставлении Москвы, готовил все императорские рескрипты. Шишков прямо указал источник своих текстов:

Занимался я чтением Священных книг, и, находя в них разные описания и выражения, весьма сходные с нынешнею нашею войною, стал я, не переменяя и не прибавляя к ним ни слова, только выписывать и сближать их одно с другим. Из сего вышло полное, и как бы точно о наших военных действиях сделанное повествование [Шишков 1832: 80–81].

Так под пером адмирала, госсекретаря, лингвиста Шишкова возникла в России высокая государственно ориентированная публицистика, ибо по высочайшему повелению составленные им тексты по своему патриотическому пафосу и высокому стилю выходили за пределы официального документа.

Национально-культурный проект Шишкова *лингвоцентричен*. Правомерность такого подхода он доказывал на огромном материале сравнительной лексикологии и литературы.

К филологическим трудам Шишков вплотную приступил в начале 1800-х гг. В 1803 г. в «Рассуждении о старом и новом слоге» он высказал исходное положение:

Древний Словенский язык, отец многих наречий, есть корень и начало Российского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотою, заимствованными от сродного ему Эллинского языка [Шишков 2: 2]¹.

В этом «Рассуждении» и в ряде других текстов он настаивал, что языковым *основанием* русской жизни и культуры является *единый* славяно-русский язык, он отрицал исторически раздельное существование двух разных частей этого основания: древнего славянского языка и новейшего русского. Подрывают само это основание те, кто требует говорить и писать, выбрасывая из речи «язык веры» и «язык Церкви», и использовать только «язык театра» и «язык страстей», как различал их Шишков. В словесности светской он в некоторой мере признавал употребление двух последних, но напоминал, что язык старославянский, в силу его религиозно-нравственной строгости и чистоты, есть средство «обуздывания языка страстей», и именно он может удерживать литературу от подчинения тварной природе человека. Наиболее сурово отнесся он к предпринимаемому переводу Библии с церковнославянского на современный русский, в чем увидел кощунственное покушение на сакральность Священного Писания.

Следует заметить, что Шишков был убежден в безусловном превосходстве старого славянского языка в Библии, Прологах, Четьях-Минеях, где сжато и выразительно передается величие предметов и лиц в рассказе, слова жестко сцеплены в движении мысли. Поэтому он, критически сравнивая Книгу Иова и переложение ее Ломоносовым, отдавал предпочтение библейскому тексту. Шишков, конечно, пре-

¹ Каким был кодифицированный язык Руси в пору перехода от греческой Библии к славянской, напоминал в свое время Г. П. Федотов: «...новый церковнославянский язык оказался чисто греческим в своем синтаксисе, наполовину греческим — в семантике, т. е. в значении слов, и в сильной степени огреченным в сложных словообразованиях» [Федотов: 7]. Ср. суждение В. В. Виноградова: «В непосредственности и широте влияния греческого языка на книжно-славянский Пушкин видит одну из основных причин неоспоримых превосходств русского литературного языка перед всеми европейскими языками. Этот книжный славянский язык, воспринявший византийскую культуру и сделавшийся церковно-государственным языком русской нации, оставался, по мнению Пушкина, неприкосновенным до начала XVIII века, до эпохи Петра I» [Виноградов: 18–19]

имущественно человек книги. В основу культуры он клал старопечатное слово, ибо оно закреплено исторически и религиозно, неподвижно на своем месте, удерживает от шатания мысль и от развращения чувство. Путь развития и усовершенствования языка и словесности, по Шишкову, — прежде всего *изучение* унаследованного славянского языка, текстов его, которые «лежат в прахе и забвении», выявление еще не использованных его возможностей для выражения новых мыслей, создания новых образов.

Важным трудом Шишкова стало переложение для современного читателя на «употребительное ныне наречие» «Слова о полку Игореве» (1805). Славянский и русский тексты он дал в два столбца, с обширными историческими, мифологическими, лингвистическими примечаниями и толкованиями, в которых использованы данные В. Н. Татищева и других источников. Местами он сравнивает «Слово» с текстом Оссиана.

Шишков задался целью крупно представить «красоты подлинника», для чего в переложении издания 1800 г. делал купюры темных мест и исторических отступлений, вводил собственные текстовые распространения тех мест, которые казались ему недостаточно картинными и поэтичными. Шишков хотел придать наибольшую *эстетическую* ценность памятнику древней словесности, напоминая к тому же, что до появления его уже великолепно писали Боян и другие авторы, и он хотел показать *эстетику самого языка* той эпохи. Его переложение «Слова» и комментарии имели как сторонников (А. Палицын), так и противников (Н. Ф. Грамматин, давший поэтический перевод в 1823 г.). Но важно, что Шишков создал поле для критического рассмотрения памятника. На этом поле публично встретились в 1832 г. в аудитории Московского университета Пушкин и отрицавший подлинность «Слова» скептик М. Т. Каченовский, чьи лекции, кстати сказать, слушал К. С. Аксаков, позже предложивший свою версию авторства памятника.

В лексикогенетических и морфологических штудиях Шишков сосредоточился на изучении «корнесловия», которое он прослеживал от фонем, возникавших как простое подражание звукам окружающей среды, до превращения их в «знаменательные» части слов и затем в производные слова с разнообразными значениями, разрастающиеся в целое словесное древо. Он проницательно усматривал в потоке речи отсылки к таким звукам, виртуозно выделял их в стихах латинских,

французских, итальянских, русских, семантизировал их звуковой состав, выявляя фонетические доминанты произношения.

Работы Шишкова интересны не только оригинальными лингвистическими идеями и проработкой больших объемов словесности на разных языках, но и стилем изложения. К аналитическим процедурам, к богатой лингвистической компаративистике присоединяется своего рода фонетическая музыка лексического материала, который изыскано komponуется автором. Вместе с тем разворачиваются сюжеты происхождения и трансформации слов — слова становятся героями рассказа со своими генеалогиями и с перипетиями их бытования в языке. Наряду с многочисленными образными аналогиями («Рука — мысль, слово — меч; рука управляет, слово наносит удар» [Шишков 5: 42]), отсылками к базовым словарным значениям («знаменованиям») слов Шишков на сотнях примеров с древними и иноязычными параллелями расширяет их контекстуальную семантику, проводит тонкие различия в употреблении, показывает смысловые оттенки и эмоциональные окраски слов, когда они оказываются в разных лексических группах, фразеологизмах, устойчивых оборотах речи. Немало наблюдений Шишкова было учтено последующей лексикологией и лексикографией¹.

Несмотря на произвольность некоторых семантических сближений, Шишков рисует увлекательную и во многом правдоподобную картину жизни языка, приводя выразительные аналогии. Каждое семейство слов, полагает он, «имеет отца своего», в котором заключен первоначальный смысл речи. И настаивает на том, что новый словарь должен быть корнесловным и «словопроизводственным», ибо «без отыскания корня затмится в дереве мысль, произведшая все ветви оногo», и тогда произойдет разрушение языковой генетики: «потеряются следы ума, составлявшего язык» [Шишков 5: 22, 31–32]. Что в историческом дви-

¹ Б. М. Гаспаров поясняет: Шишков «осознал тот факт, что значение слова состоит не только в его понятийном содержании (которое может быть с легкостью перенесено из одного языка в другой), но складывается из всей суммы его словообразовательных связей и сочетаемости с другими словами в составе выражений, принятых в данном языке. Поэтому полный объем смысла каждого слова в данном языке (“круг знаменования”, как его называет Шишков) всегда уникален; он никогда не соответствует в точности “кругу знаменования” слова, обозначающего соответствующее понятие в каком-либо другом языке» [Гаспаров: 30–31].

жении языка неизбежно совершается, но Шишков хочет если не остановить такой процесс, то хотя бы замедлить его.

Лексикографическая концепция Шишкова предполагала составление такого словаря, в котором давалось бы описание исходных лексем и производных форм с приложением алфавитно упорядоченного их перечисления, чтобы можно было найти объяснение того, из чего и как развивалось значение и употребление слова. В этот свод он предлагал включать и иностранные слова с описанием их происхождения на том языке, из которого они взяты [Шишков 5: 11]. Шишков был буквально одержим этимологическими раскопками и подчас уходил в исторические толщи языков намного дальше, чем позволяли научно установленные факты. Некоторые изыскания его в этой области порождали своего рода лингвистическую мифологию. Однако он все-таки действовал в пространстве современной ему филологии, не пренебрегая трудами языковедов, в частности, ссылаясь на Академический словарь того времени, стремясь при этом расширить и уточнить входящие в него материалы, часто спорит с немецким филологом И.-К. Аделунгом (Adelung; 1732–1806).

Иногда он, конечно, упрощенно рассматривает происхождение языков от одного корня, объясняя звуковые (и соответственно морфологические) изменения в них влиянием местных условий и последующее разделение их. Он строит своеобразную лестницу изменений слова от гипотетического (или наличного) корня до современных форм его в разных языках отчасти наподобие известной лестницы Лафатера, который прослеживал физиономическую эволюцию от морды лягушки до лица Аполлона.

Не всегда он был прав в своих охранительных и пуристских требованиях. Стремясь не допускать в русский язык иноязычные заимствования даже в форме грамматических калек, он предлагал использовать славяно-русское корнесловие. Например, он воспринимал появившееся в русском языке слово *влияние* как рабский перевод французского *influence*, настаивал, что *влиять* означает у нас только *вливать в*, и для выражения понятия воздействия на что-то нужно употреблять чисто славянское *наитствование* (от *наитие*). Однако живой язык этому воспротивился, за *влиянием* закрепилось значение французского *influence*, не имеющего общей семы с *injection*. Шишков мог бы оправдаться только тем единственным фактом, что основное значение

слов *лить*, *вливать* при утрате прикорневого **в** осталось лишь в нашем *возлиянии*.

Против новых словообразований и словоупотреблений в литературе Шишков не возражал, но допускал их при обязательном условии художественной уместности. Здесь у него лингвистика переходит в поэзию, лексикология в поэтику. Как писатель он ценил образные возможности слова в метафорических и иносказательных выражениях. Он восхищался державинским изображением мелкой ряби на воде в солнечных лучах: «чешутся реки златом». И одобрял метафорическое описание воинов в поэме С. А. Ширина-Шихматова¹ «Пожарской, Минин, Гермоген» (1807): «Стоят со *спящими* мечами»; «Увы! Сухими зрят очами» [Шишков 12: 214–216].

Но он ошибался, когда осуждал, например, использование выражения *трогательная сцена* вместо выражения *жалкое зрелище*, или *переворот* вместо *перемена правления*, или вместо *сблизить к середине* — *сосредоточить*. Тут он усматривал скрытое присутствие галлицизмов. А свойственная Шишкову языковая франкофобия имела причиной, кроме лингвистических его установок, и давнюю эмоциональную мотивацию: в Греции он видел храмы, обезображенные гнусными французскими надписями, знал он и о поведении наполеоновских солдат в Европе и об их варварстве в Москве.

Особенно ополчился он против слова *сосредоточить*. В «Разговоре между двумя приятелями о переводе слов с одного языка на другой» (1825) он, исходя из допускаемого им порядка словопроизводства, усомнился в правомерности создания такого глагола в русском языке.

¹ Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783–1837), князь; как и Шишков, моряк, капитан второго ранга в отставке, духовный и светский писатель, член Российской Академии; с 1830 г. иеромонах. В. К. Кюхельбекер писал о нем: «После Ломоносова и Кострова никто счастливее князя Шихматова не умел слить в одно целое наречия церковное и гражданское: переливы неприметны; славянские речения почти всегда употреблены с большою осторожностью и разборчивостью» [Кюхельбекер: 491]. Кюхельбекер в 1833 г. признавался: «я вот уж 12 лет служу в дружине славян под знаменами Шишкова Катенина, Грибоедова, Шихматова» [Кюхельбекер: 222].

В словах должна заключаться мысль, а иначе они будут пустые звуки. Мы видели, что в сложных именах и глаголах или оба составляющие их названия сохраняются без всякого изменения, и следовательно, когда порознь мне известны, то и вместе сложенные понятны, или, если одно из них и получает некоторое изменение, то получает оное по свойству языка, так что знаменование одного без труда могу я постигать. Теперь посмотрим, можем ли мы то же самое сказать о глаголе сосредоточивать; можем ли собственный его или выводимый из подобия с другими глаголами, находить в нем смысл. Рассуждал ли о сем тот, кто первый употребил оный? Мы, конечно, можем из сложных имен делать глаголы, но надобно, чтобы как вещь, означаемая именем, так и действие, означаемое сделанным из того глаголом, были равно для меня вразумительны. Но в глаголе сосредоточивать я знаю только, что он происходит от известного мне существительного имени средоточие, а какое действие разуместь можно под глаголом средоточить, оно столько же непонятно мне, как если бы кто от известных всем имен камень, дерево, произвел неизвестные никому глаголы камнить, деревить. Правда, что сила предлога <Шишков предлогом называет и префикс — В. К.> со нам известна: он во многих случаях значит соединение, совокупление чего-нибудь вместе; но надобно, чтоб сочиняемые с ним глаголы имели какое-нибудь, если не употребительное, то по крайней мере удобопонимаемое значение. Когда же знаменование их совсем непонятно, как, например, глаголов камнить, деревить, средоточить, то уже и соединенные с ним глаголы сокамнить, содеревить, сосредоточить, столько же для меня дики и непонятны. На что ж нам то употреблять, что понимать так трудно? [Шишков 4: 318–319].

Шишков заподозрил, что глагольная форма *средоточить* произведена по образцу французского слова *concentrer* и, соответственно, — другие производные того же происхождения, что его возмущало. А между тем он упустил из виду уже тогда употреблявшиеся отыменные глаголы *каменеть*, *деревенеть* и т. п.

По своему темпераменту в деле, так сказать, лингвистической деконструкции (с позитивным заданием) Шишков не только не избегал крайних суждений, но подчас прямо включал их в свою аргументацию, считая и их необходимыми для создания полной и цельной в себе славяно-русской языковой картины мира. Так, увлеченному охранительной реакцией Шишкову «славенский» язык едва ли не представлялся искон-

ным языком Откровения, и менять его на иной даже в книге казалось кощунством: «Как же дерзнуть на перемену слов, почитаемых исшедшими из уст Божиих?» [Шишков 1870. 2: 217]. Он как будто забывал, что слово Откровения и богообщения было некогда древнееврейским, арамейским, греческим и оставалось неповрежденным в своих смысловых глубинах. Естественная для христианина мысль о движении Духа в слове здесь не приходит Шишкову в голову. Но Дух движется, обнаруживает себя в исторической динамике языков. Еще Григорий Богослов говорил о продолжающемся со времени Пятидесятницы откровении Св. Духа; и поскольку язык — важнейшая область пневматофаний, Григорий последовательно отстаивал право Церкви использовать весь объем светской (тогда эллинской) словесности, все ее языковые средства, решительно возражая Юлиану, это право отрицавшему [Григорий Богослов 1: 126–127, 130–131]. Сам Григорий подвижнически восходил от телесно-чувственного слова к духовному — в богопознании, в философии и — в лирической поэзии: «я выплакал себе слово», — признавался он.

Однако и при известных отступлениях Шишкова от строго научного рассмотрения некоторых языковых явлений, и при чрезмерном в иных случаях его пуризме вся производимая им лингвистическая работа была, в сущности, первой попыткой углубить филологическую рефлексию до архаичных и исторических состояний языка и до «внутренней формы» слова в диахроническом и синхроническом планах. А. М. Камчатнов правомерно утверждал, что «в основе взглядов Шишкова лежала определенная философия языка, которая опиралась на весьма глубокую лингвистическую интуицию» [Камчатнов: 73], и такие прозрения Шишкова исследователь сближал с идеями В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, А. Ф. Лосева.

Наиболее обоснованно и точно определил место и значение Шишкова в русском языкознании и культуре современный лингвист В. М. Живов. Он указал, что «проблема церковнославянского языкового наследия связывалась у Шишкова с проблемой народности. Карамзинская реформа представлялась ему разрывом с национальным началом, шагом на пути к гибели русской культуры» [Живов: 444]. (В понимании Шишковым народности Живов усматривает влияние идей И.-Г. Гердера).

Нужно признать, что позиция архаиста Шишкова оказывалась для начала XIX в. совершенно новой в своем столь масштабном дра-

матизме, связанном со сменой языковых и культурных парадигм, последствия чего казались Шишкову разрушительными и требовали деятельного ответа не только на литературном, но и на идеологическом поле. Справедливо замечание Живова, что «сколь бы скептическим ни было отношение насмешливых арзамасцев к отдельным шишковистам, арзамасские шутки сохраняли привкус минувшего столетия, а национальные идеи архаистов вводили в круг тех проблем, которые волновали новую эпоху» [Живов: 450]. И здесь настоящие задачи Шишкова и Карамзина стояли намного выше кружковой и партийной полемики, их дело в движении умственной и литературной жизни было гораздо значительней, чем проведение двух разных стилевых направлений в словесности.

Нельзя не согласиться с Живовым в его выводе, в котором учтено и мнение Б. А. Успенского:

... соотношение позиций Карамзина и Шишкова, соотношение их лингвистических и культурологических воззрений, равно как и языковой практики, существенно сложнее той простой схемы архаистов и новаторов, которая служит обычно для их описания. Соответственно, сложнее и динамика литературных и лингвистических процессов. Карамзин не только порождает карамзинизм, но оказывается и предтечей того синтеза народности и европеизма, который осуществил Пушкин. Б. А. Успенский справедливо указывает, что Пушкин достаточно быстро отходит от карамзинизма и испытывает влияние лингвистических и литературных воззрений Шишкова [Живов: 453].

В заключение вновь скажем с Пушкиным «Сей старец дорог нам» ... И, как мы видим, не только «памятью двенадцатого года».

Список литературы

Источники

- Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1955.
Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1978. 608 с.
Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Изд. графа С. Д. Шереметева. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1878–1896.
Григорий Богослов. Творения: в 4 ч. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1889.
Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. М.: Наука, 1979. 792 с.

Олин В. Н. Первое письмо к приятелю о двух прозаических переводах гг. А. Ш. и С. Москотильникова героической Тассовой поэмы «Освобожденный Иерусалим» // Сын Отечества. 1820. Ч. 61. № 18. С. 233–253.

Стурдза А. Воспоминания о Николае Михайловиче Карамзине // Москвитянин. 1846. № 9–10. С. 145–154.

Федотов Г. П. Славянский или русский язык в богослужении // Путь. (Париж) 1938. № 57. С. 3–28.

Шишков А. Рассуждение о любви к Отечеству // Чтение в «Беседе любителей русского слова». 1812. Кн. 5. С. 148–187.

Шишков А. С. Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Росс. Акад. 1818–1839.

Шишков А. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти Государе Императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. Изд. 2. СПб.: Тип. Импер. Рос. Акад. 1832. 299 с.

Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина: в 2 т. Берлин, 1870.

Исследования

Виноградов В. В. Язык Пушкина. М.: Наука, 2000. 512 с.

Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академический проект. 1999. 396 с.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры». 1996. 592 с.

Камчатнов А. М. А. С. Шишков как предтеча русской философии языка // Бюллетень библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». 2009. Вып. 9. С. 73–89.

Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. 424 с.

References

Vinogradov, V. V. *Iazyk Pushkina* [*The Language of Pushkin*]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 512 p. (In Russ.)

Gasparov, B. M. *Poeticheskii iazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo iazyka* [*Pushkin's Poetic Language as a Fact of the History of the Russian Literary Language*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 396 p. (In Russ.)

Zhivov, V. M. *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [*Language and Culture in Russia of the 18th Century*]. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996. 592 p. (In Russ.)

Kamchatnov, A. M. "A. S. Shishkov kak predtecha russkoi filosofii iazyka" [*A. S. Shishkov as a Forerunner of Russian Philosophy of Language*]. *Biulleten' biblioteki "Dom A. F. Loseva"*, issue 9, 2009, pp. 73–89. (In Russ.)

Tynianov, Iu. N. *Pushkin i ego sovremenniki* [*Pushkin and his Contemporaries*]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 424 p. (In Russ.)